

7. Smirnova T. L. Innovations in the educational process of training economists. In: *Modern education: the innovative potential of the smart economy of Russia. Materials of the international sci. and method. conf., Feb. 1—2, 2007, Russia, Tomsk*. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 2007. Pp. 98—100. (In Russ.)
8. Chuprova L. V. On the issue of innovative teaching methods at the university. *Conference proceedings of the Scientific Research Center Sociosphere*, 2012, no. 23, pp. 32—35. (In Russ.)
9. Isupova N. I. Methodological features of the use of electronic educational resources. *Collection of scientific papers Sworld*, 2012, vol. 23, no. 4, pp. 92—95. (In Russ.)
10. Zankova E. Yu. On the issue of integration of traditional and e-learning. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 2014, no. 2, pp. 91—95. (In Russ.) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21883651>.
11. Abdullaev F. A. Integration of digital educational resources in education: pedagogical conditions for modeling an electronic service. *Young scientist*, 2019, no. 5, pp. 152—154. (In Russ.) URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=36931109>.
12. Zapesotsky A. S. *Education: philosophy, cultural studies, politics*. Moscow, Prosveshchenie, 2002. 383 p. (In Russ.)
13. Kachalova L. P. Pedagogical monitoring. Processes of integration of psychological and pedagogical knowledge of the future teacher. *Standards and monitoring in education*, 1999, no. 6, pp. 31—34. (In Russ.)
14. Maiorov A. N. *Theory and practice of creating tests for the education system. How to select, create and use tests for educational purposes*. Moscow, Narodnoe obrazovanie, 2000. 352 p. (In Russ.)
15. Simonov V. P. Reliability of testing as an indicator of the competence and reliability of inspectors. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*, 2012, no. 3, pp. 79—85. (In Russ.)
16. Yalaeva N. V. *Computer testing as a means of intensifying English language teaching at a law school. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Ekaterinburg, 2003. 215 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 22.02.2022.
The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 22.02.2022.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.205

Anna Yurievna Shirokikh
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English
for Professional Communication,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
ashirokikh@mail.ru

Анна Юрьевна Широких
канд. филол. наук, доцент,
доцент Департамента английского языка
и профессиональной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
ashirokikh@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления личных местоимений первого лица единственного и множественного числа в англоязычных научных статьях. Интерес к данной теме связан с требованиями к российской научной общественности публиковать результаты исследований в международных издательствах на английском языке. Статья освещает вопросы, связанные с интерактивностью англоязычных текстов и авторским «я» в свете межязыковой интерференции и грамматических строев русского и английского языков. На основе исследованного эмпирического материала выявлена сравнительная частотность случаев использования местоимений «I» и «we» в научных текстах экономической тематики во временном отрезке 1960—2021 гг. Сделан вывод о сравнительно небольшом расхождении в частотности использования единственного и множественного числа

личных местоимений первого лица, а также о тенденции к усилению стратегий «авторизации» в научном стиле речи в исторической ретроспективе. Выявлены части научных статей, где личные местоимения «I» и «we» используются более/менее часто. Автор также анализирует прагматические функции личных местоимений первого лица в научном тексте и выдвигает гипотезу о десемантизации этих единиц речи. Полученные эмпирические данные позволяют разработать дидактические рекомендации для включения в курс «Академическое письмо». Эти рекомендации включают изучение корпусов текстов в аудитории студентов, индуктивный анализ контекстов на предмет функций и грамматических особенностей, а также сопоставительный переводческий анализ изучаемых единиц речи в языковой паре «английский — русский языки». Сделан вывод о том, что данные учебные действия помогут

устранить межязыковую интерференцию и повысить социокультурную компетенцию обучаемых.

Ключевые слова: личные местоимения первого лица единственного и множественного числа, флективные

и изолирующие языки, корпус текстов, прагматические функции, десемантизация, корпусные исследования, клише, речевые функции, индуктивный подход, перевод, межязыковая интерференция, социокультурная компетенция

Для цитирования: Широких А. Ю. Использование местоимений первого лица в англоязычном научном экономическом дискурсе и обучение студентов неязыковых специальностей научной речи // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 183—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.205.

Original article

THE USE OF FIRST-PERSON PRONOUNS IN ENGLISH SCIENTIFIC ECONOMIC DISCOURSE AND TEACHING ACADEMIC ENGLISH TO NON-LINGUISTIC STUDENTS

13.00.02 — Theory and methodology of education and upbringing

Abstract. *The article looks upon the use of first-person singular and plural pronouns in scientific economic English texts. The interest to this theme is caused by the increasing demands for Russian academicians to publish the results of their research in international journals. Thus, the issues of dialogical nature and author's "I" in the light of intercultural interference and language types are in the focus of the author's attention. The empirical data allows for identifying the frequency of singular versus plural first-person pronouns for the period of 1960—2021. The author concludes that there is some, but not much difference in the frequency of use between singular and plural forms. Another conclusion, based on historical perspective, is that there is a developing trend in scientific discourse to use personal pronouns more. The parts of scientific articles, where personal pronouns are used more or less are identified. The author also investigates pragmatic functions of first-person*

pronouns in scientific discourse and suggests a hypothesis about delexicalized nature of first-person pronouns in academic discourse. The empirical data allows for working out didactic recommendations for a course on academic English. These recommendations include corpus studies done in English language classroom, inductive approach to analyses of contextual use of pronouns, their speech functions and grammar peculiarities, as well as English — Russian translation of target structures. The author makes a conclusion that these activities may help eliminate intercultural interference and enhance social and cultural competencies of students.

Keywords: *first-person singular and plural pronouns, inflectional and isolating languages, corpus of texts, pragmatic functions, delexicalization, corpus studies, cliches, speech functions, inductive approach, translation, intercultural interference, social and cultural competencies*

For citation: Shirokikh A. Yu. The use of first-person pronouns in English scientific economic discourse and teaching academic English to non-linguistic students. *Business. Education. Law*, 2022, no. 2, pp. 183—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.205.

Введение

Актуальность темы исследования частотности и функционирования личных местоимений в англоязычном научном дискурсе связана с выходом российской науки на международную арену и с требованием к преподавателям и аспирантам ведущих вузов страны публиковать свои работы в международных издательствах на английском языке. Однако межязыковая интерференция и влияние установленных социокультурных норм русскоязычного академического дискурса, где выражение авторского «я» и «мы» не поощряется, часто снижают ценность содержательного компонента научных работ российских авторов. Одним из деструктивных компонентов интерференции русскоязычного научного дискурса является тенденция нивелировать прямые способы выражения авторской точки зрения через использование пассивного залога и безличных предложений в англоязычных научных текстах, подготовленных российскими специалистами.

Проблему можно считать достаточно **изученной** в аспектах сопоставительной частотности личных местоимений первого лица в английском и русском языках, а также в отношении их функций в тексте. Однако, во-первых, большая часть исследований проводилась на материалах гуманитарных дисциплин, во-вторых, не рассматривались вопросы использования личных местоимений в диахроническом срезе, а также фокус исследований ставился на прагматические функции местоимений в тексте без учета грамматических аспектов их функционирования.

Так, например, еще в 1998 г. было проведено мультиязыковое исследование, которое показало, что местоимения «I»/«we» встречаются в англоязычных текстах с частотностью 69 %, в то время как в русскоязычных статьях по лингвистике «я»/«мы» составляют лишь 0,5 % [1, с. 165]. Существуют данные по использованию этих местоимений в текстах гуманитарных научных дисциплин, таких как лингвистика, философия и социология. Так, например, К. А. Медведкина и Е. С. Михайловская [2, с. 7], исследовавшие лингвистический научный дискурс, а также И. Ю. Щемелева [3, с. 146], в фокусе которой был социологический научный дискурс, приходят к выводу о «незначительном превалировании формы единственного числа над формой множественного» [2, с. 7], где частотность «I» составляет 100 % по сравнению с 95 % «we» [3, с. 146]. О. А. Крапивкина, осветившая частотность использования личных местоимений в юридическом, лингвистическом и философском научных дискурсах, пишет, что «количество англоязычных статей, содержащих местоимение I, — всего лишь 30 % от общего числа работ» [4, с. 121].

Существует много работ, посвященных классификации прагматических функций личных местоимений первого лица. Н. С. Супоницкая рассматривает прагматику использования личных местоимений в свете идеи «авторизации» и «автореперентных стратегий» как «сигналов научно-речемыслительного процесса» и «авторского присутствия в тексте» [5, с. 214]. Ю. А. Комарова осуществляет

философский подход к осмыслению личных местоимений в научном тексте и рассматривает их в свете категорий определенности (наличие личных местоимений в тексте), неопределенности (использование пассивного залога и безличных предложений) и обобщенности (использование местоимения «one») [6, с. 92]. М. А. Фомина предлагает более коммуникативный подход к интерпретации личных местоимений как субъективно-оценочных формул, которые «позволяют автору маркировать некое субъективное впечатление, отношение к рассматриваемой проблеме, вывод или мнение автора» [7, с. 99], и делит контексты употребления «I»/«we» на «хеджи» и «бустеры» [там же].

Самая распространенная классификация функций личных местоимений первого лица основана на прагматической роли автора научного дискурса [2, 4, 8, 9] и в более сжатой форме может быть представлена в трех аспектах (изначально авторы Р. Тэнг и С. Джон [8, с. 27—29] предлагали шесть ролей, которые планировалось использовать для обучения студентов научному стилю речи):

- «субъект-исследователь» (структурирующая функция);
- «субъект-аналитик» (выражение авторской точки зрения);
- «субъект-представитель» («мы-субъект выступает репрезентантом всего человечества»).

Целесообразность продолжения исследования частотности личных местоимений обусловлена следующим:

Предложенные прагматические классификации использования личных местоимений представляются несколько «притянутыми» к действительности, так как эмпирические наблюдения показывают, что «I»/«we» в экономическом научном дискурсе не всегда являются «личными», а скорее, «безличными» местоимениями, т. е. десемантизированными.

Исследования, посвященные частотности личных местоимений, как правило, проводятся на материалах сугубо гуманитарных сфер знаний, в которых «диалогизация» [10, с. 556] и процент инклюзивных местоимений первого лица выше [11, с. 67]. Исследования в области экономического научного дискурса, особенно взятого во временном срезе, не проводились.

Также, предположительно, место наличия личных местоимений первого лица в текстах статей (введение, экспериментальная часть или заключение) будет влиять на их функциональность и уровень десемантизации.

Кроме того, есть аргументы в пользу того, что более частотное использование личных местоимений в англоязычном дискурсе по сравнению с русскоязычным научным дискурсом обусловлено типологическими отличиями русского и английского языков.

Научная новизна данного исследования заключается в попытке доказать, что в некоторых контекстах личные местоимения первого лица не несут своей «личностной» смысловой нагрузки, а являются своего рода десемантизированными единицами, помогающими автору текста избежать использования «тяжеловесных» пассивных конструкций.

Целью данного исследования было выявить языковые характеристики личных местоимений первого лица в англоязычном экономическом дискурсе. Для достижения цели было необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать тексты научных статей экономической тематики на предмет сопоставительной частотности «I»/«we» в диахроническом аспекте;
- определить местоположение этих единиц речи в текстах статей;

– соотнести их местоположение с выполняемыми ими функциями в англоязычном тексте и в свете переводческих стратегий в языковой паре «английский — русский»;

– решить, какие учебные действия следует предпринять для того, чтобы нивелировать межязыковую интерференцию у студентов неязыковых специальностей при написании англоязычных научных текстов и обеспечить аутентичность их «приобретенного» англоязычного дискурса.

Интерес к теме использования личных местоимений в англоязычном экономическом научном дискурсе автора данной статьи как преподавателя английского языка для специальных целей связан с тем, что аспиранты и студенты неязыковых специальностей при написании научных работ на английском языке часто «перегружают» тексты пассивными и безличными конструкциями, что не соответствует узусу английского языка, демонстрирует языковую интерференцию и «калькированный» характер академического дискурса обучающихся.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что:

- во-первых, полученные данные могут быть применимы для обучения студентов неязыковых специальностей в курсах академического английского языка для демонстрации стилистических особенностей англоязычных научных текстов;
- во-вторых, предлагается описание учебных действий в курсе «Академическое письмо», которые основаны на полученных в ходе исследования результатах и имеют целью снизить «дистанцированный» характер англоязычной письменной речи у обучаемых, т. е. нивелировать межязыковую интерференцию.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в идентификации семантических и грамматических характеристик функционирования личных местоимений первого лица в англоязычных экономических научных текстах, что позволило выделить важные компоненты для включения в курс «Академическое письмо».

Основная часть

Методология. Разработка темы использования личных местоимений первого лица в англоязычном экономическом дискурсе не получила достаточного освещения в лингвистических исследованиях последних лет, в то время как исследования на эту тему на материалах других гуманитарных дисциплин проводились. Несмотря на то, что по мировой классификации наук экономика принадлежит к разряду «Humanities», т. е. гуманитарных наук, прикладной характер этой дисциплины в настоящее время не позволяет авторам высказывать какие-либо суждения без опоры на точные данные, полученные математическим путем. Именно этот компонент экономического научного дискурса, по предварительной гипотезе, и будет обуславливать характер авторского «я» в текстах статей.

Методология исследования заключалась в следующем.

Был выделен корпус из 36 текстов научных статей по экономике единичных авторов (без соавторства) из журнала *Journal of Economics* издательства *Springer* за 1960—2021 гг. Статьи выбирались с учетом аффилиации автора текста, т. е. предпочтение отдавалось авторам, которые указывали университет, находящийся на территории англоязычных стран, США или Британии. Путем сплошной выборки были получены 766 контекстов употребления личных местоимений первого лица («I»/«we») и их деривативов («my»/«our»).

Был проведен сопоставительный анализ частотности использования «I»/«we» и их деривативов, рассчитанный от общего числа контекстов употребления личных местоимений.

Для исследования диахронического аспекта в употреблении личных местоимений статьи были разделены на три условных временных промежутка: 1960—1980, 1981—2000 и 2001—2022 гг., что позволило определить развитие тенденций в использовании личных местоимений первого лица.

Далее были проанализированы местоположения контекстов личных местоимений первого лица в текстах статей, что позволило выделить их основные прагматические функции, а также исследовать явление десемантизации этих языковых единиц в определенных частях текста.

Был проведен переводческий анализ контекстов употребления, который позволил сделать вывод о том, что типологические отличия английского и русского языков являются причиной разницы в статистических данных по употребительности личных местоимений в русском и английском языках.

Полученные данные интерпретированы в свете учебных технологий по обучению студентов неязыковых специальностей.

Результаты. Статистический анализ эмпирического материала показал, что в экономическом англоязычном научном дискурсе местоимение «I» употребляется в два раза реже, чем местоимение «we» (32,4 % случаев «I» против 67,6 % употребления «we» — рассчитано от всех случаев употребления личных местоимений).

Исследование контекстов в исторической ретроспективе показало, что:

– в 1960—1980 гг. количество контекстов с личными местоимениями первого лица («I» и «we», взятые вместе) меньше, чем в 1981—2000 гг. и намного меньше, чем в 2001—2022 гг. (132, 194 и 440 контекстов соответственно).

– для периода 1960—1980 гг. была характерна большая индивидуальность в стиле изложения (данные показывают 41 % семантики «I» по сравнению с 59 % семантики «we»), в то время как на следующих этапах развития научной мысли употребительность «I» составила лишь 30 % от всех выявленных контекстов.

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о том, что авторы середины XX века, очевидно, избегали использования личных местоимений в научном стиле изложения, однако, если было необходимо заявить о своем научном «я», использовались более прямолинейные способы, такие как местоимения первого лица единственного числа, что, с одной стороны, представляется ответственным подходом к исследованиям, а с другой стороны, обусловлено более аргументативным характером экономических статей середины XX века, где математическая экспериментальная часть научного исследования была в десятки раз короче по сравнению с объемом этой части работы, характерным для более поздних этапов развития экономической мысли.

Что касается части научной работы, в которой личные местоимения употребительны, то мнение о том, что местоимения первого лица единственного числа встречаются преимущественно во введении [5, с. 121], является спорным. Исследованный корпус текстов экономической тематики показывает, что личные местоимения первого лица единственного числа могут быть обнаружены по всему тексту статей — в аннотации, во введении, в экспериментальной части исследования. Исключение составляет заключение

к работе, где случаи личных местоимений представляют собой только множественное «we», в отличие от секции «благодарности», где употребляется только «I». Приведем примеры.

Аннотация — в этой части научной работы используются местоимения первого лица как в единственном, так и во множественном числе. Основной функцией этих местоимений является не выражение мнения, а структуризация работы, описание цели исследования и предпринятых шагов для ее достижения:

In the present analysis, I aim to understand whether an increase in market power may lead to an increase in journalistic quality... [12, с. 109].

We study the effects of regional integration on patterns of production and offshoring... [13, с. 59].

Введение — поскольку в большинстве исследованных статей частью введения к работе является описание предмета, целей и задач исследования, личные местоимения употребляются с констатирующими глаголами (*use, analyze, investigate, study, show* и т. д.), функции которых заключаются в описании предпринятых действий для достижения цели. В данных контекстах «I»/«we» имеют обобщенный или безличный характер, так как не используются для выражения мнения, т. е. авторского «я»:

In this paper, I use a model structure similar to the one of the stochastic monetary-game models developed by... [14, с. 127].

In this paper, we investigate the effects of international investment in a framework that captures... [15, с. 132].

Заключение — в заключительной части работы есть единичные случаи употребления «we», в то время как случаи употребления «I» не зафиксированы. «We» встречается только в научных работах по экономической теории, наиболее «гуманитарной» сфере экономики. Функцией этого местоимения, как правило, является «автор — представитель сообщества», что позволяет объединить автора и читателя общим знанием, полученным в результате описанного исследования: *Further, we showed how the transfer ratio has to be set such that...* [16, с. 198].

Благодарности — в этой части работы использование личного местоимения первого лица единственного числа имеет традиционную семантику. Автор работы — физическое лицо, которое выражает благодарность, и потому «я» используется даже в тех статьях, где автор избегал этого слова на протяжении всего предыдущего текста: *I wish to thank two anonymous referees for a number of substantive comments and suggestions* [17, с. 232].

Наиболее интересным представляется использование «I»/«we» в исследовательской, основной части статьи. С одной стороны, мы можем констатировать, что личные местоимения первого лица в описании математических формул — десемантизированные элементы речи:

Applying Cramer's Rule, we then solve for $dq/d\pi$, which is... [12, с. 118]. («We» в данном контексте не означает лицо, а выполняет функцию обеспечения порядка слов в предложении, так как в английском языке подлежащее и сказуемое — обязательные компоненты синтаксиса.)

This pattern does not change if we vary the intertemporal elasticity of substitution by changing... [15, с. 148]. (Если «we» заменить на «I», дополнительных коннотационных значений, таких как «автор не скромнен», не появляется; если использовать пассивный залог (*the intertemporal elasticity is varied*), мы не потеряем такой компонент смысла, как «лицо» автора.)

The economy we consider consists of a large number of industrial firms that produce one storable good... [15, с. 134]. («We consider» — по синтаксической функции определение к слову «economy»; намеревался ли автор подчеркнуть свою идентичность, используя «we», или просто выбрал такой грамматический способ выражения атрибутивного значения?)

Существует мнение, что десемантизация, или грамматизация, лексических единиц — одна из характерных черт германских языков, так как «строй германских языков расположен к этому явлению» [18, с. 199]. Десемантизация традиционно рассматривается как потеря начального лексического значения слова и возможный переход слова из разряда значимых в служебные. Служебное слово, как известно, не влияет на смысл высказывания, но обеспечивает грамматическую связность речи. Представляется, что личные местоимения первого лица «I»/«we» имеют определенную степень десемантизации и используются, скорее, как служебные слова, позволяющие поддерживать синтаксический строй английского языка, где каждое предложение должно иметь формальные элементы, такие как подлежащее и сказуемое. Рассмотрим пример из текстов:

We first analyze the effects of removing barriers to international investment by comparing the asymptotic expected growth rates [15, с. 144]. Пассивный залог был бы неприемлем в силу «длины» подлежащего (*the effects of removing barriers to international investment*), соответственно, «we» — десемантизированный элемент, обеспечивающий синтаксическую связность предложения.

In light of these features, I employ a static model of monopolistic competition [12, с. 117]. Если заменить активный на пассивный залог (*a static model of monopolistic competition is employed*), актуальное членение предложение меняется: центр «тяжести» ритма переносится в начало, что не характерно для англоязычного дискурса.

The main question I aim to address is how such a change in market power affects the provision of journalistic quality [12, с. 118]. Если опустить «I aim to address», предложение смысл не потеряет, соответственно, действительно ли ученый хотел «авторизировать» себя или это клише научного стиля речи?

В межязыковом сопоставительном аспекте нельзя полностью согласиться с гипотезой И. Василевой о том, что «разновеликая частотность авторского „я“ не может быть объяснена с точки зрения различий в грамматических системах языков, так как и тот и другой язык имеет в своем распоряжении такие структуры, как пассивный залог или безличные предложения» (пер. автора) [1, с. 165]. Представляется, что для стилистики англоязычного научного дискурса не характерно использование пассивных конструкций в объеме русскоязычной традиции в силу типологических особенностей. Английский язык принадлежит к классу аналитических изолирующих языков, где грамматические значения формируются за счет служебных слов и фиксированного порядка слов в предложении, в то время как русский язык относится к классу флективных синтетических, где флексии (приставки, суффиксы и окончания) влияют на грамматическую форму и порядок слов не так важен. Учитывая, что научный стиль речи тяготеет к краткости и сжатости изложения, возможно, использование активного залога с личными местоимениями первого лица в английском языке обусловлено количеством слов в группе «подлежащее — сказуемое» и тема-рематическим делением, сравните:

we propose a theoretical model for current patterns of R & D activity (a theoretical model for current patterns of R & D activity — рема, новое в высказывании) = *a theoretical model for current patterns of R & D activity is proposed* (так как традиционно рема приходится на конец предложения, актуальное членение меняется, и смысл не так ясен);

мы предлагаем теоретическую модель современных форм научно-исследовательской деятельности = предложена теоретическая модель современных форм научно-исследовательской деятельности (рема теоретическая модель современных форм научно-исследовательской деятельности не поменяла свою позицию в предложении, смысл по-прежнему ясен).

Таким образом, сама структура русского языка предполагает более активное использование пассивного залога в целях экономии языковых средств, в то время как в английском языке стоит избегать пассивных конструкций, чтобы не «утяжелять» структуру предложения и оставить мысль ясной.

Если вернуться к «личностной» семантике местоимений «I»/«we» в научных статьях экономической тематики, то можно констатировать, что из 766 выделенных нами контекстов употребления местоимений первого лица лишь 78 можно рассматривать как вербализации авторской идентичности. Это те контексты, где «I»/«we» используются для выражения мнения (автор-аналитик), причем «I» имеет большую частотность, чем «we», и употребляется с глаголами речемыслительной деятельности:

Hence, I consider it safe to at least assume that the demand for journalistic quality is not distributed equally across society [12, с. 114].

I assume that monetary policy is not pursued by the government, but delegated to the central bank which may have other preferences than the government [14, с. 129].

I assume that firms are able to take full advantage of such leakages as occur... [19, с. 3].

I believe that this broad definition of “producer” is imperative in understanding modern economies... [20, с. 455].

I venture to give you my basic equations first. This is a necessary truth, valid at all times [21, с. 242].

Также следует отметить, что среди тех 78 контекстов, где авторское «I»/«we» очевидно функционирует как «выразитель точки зрения», «we» практически не употребляется в именительном (общем) падеже, чаще авторы употребляют притяжательный падеж «our» + существительное: *Our key assumption is that agents have to use the formal financial sector to transfer their savings to firms, and that these “productive investments” are associated with individual-specific fixed costs* [15, с. 132].

В функции «автор — представитель сообщества» «we» также сохраняет свою семантику личного местоимения: *We are moving into a more complicated structure of economics, a formidable prospect, but, surely, a stimulating one* [21, с. 247].

Вышеприведенные эмпирические данные должны учитываться в курсах по обучению академическому письму для обеспечения узуральности дискурса обучаемых и устранения межязыковой интерференции в написании научных работ.

В отношении учебных действий, которые необходимо предпринять для обеспечения адекватного узусу английского языка употребления личных местоимений первого лица, следует выделить несколько аспектов.

Во-первых, необходимо донести до учащихся особенности частотности «I»/«we» в английском языке через использование корпусных текстов. Многие корпусные базы

данных имеют платный доступ, и преподаватель не всегда может позволить себе оплату этих услуг. Однако даже файлы PDF (рис.) имеют функцию поиска в тексте, и в учебной

аудитории можно продемонстрировать употребительность личных местоимений, выделить и рассмотреть контексты этих единиц речи.

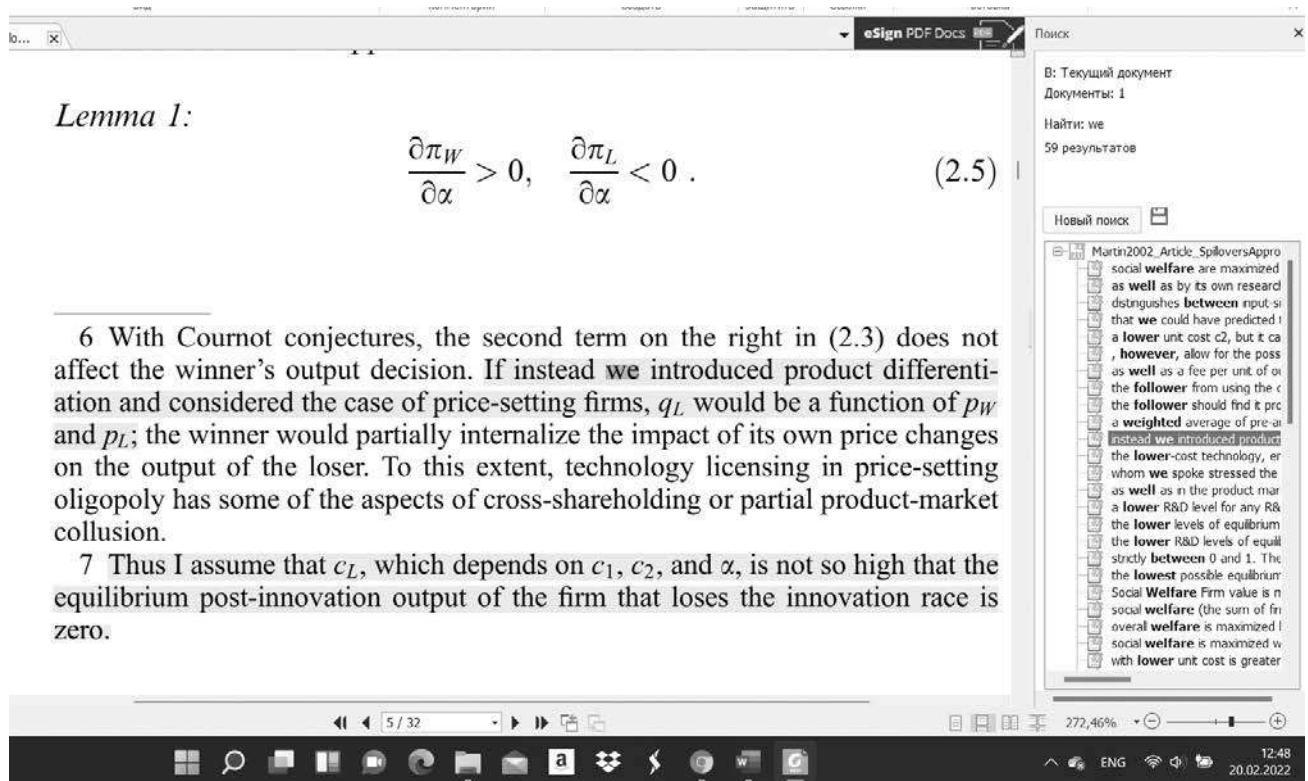

Рис. Использование файлов PDF для демонстрации частотности личных местоимений первого лица в англоязычных текстах

При наличии корпусного рассмотрения контекстов учащиеся не будут испытывать «когнитивный шок», обнаружив «I», например, в аннотации к статье, что нарушает постулаты их русскоязычного научного «я».

Более того, корпусное рассмотрение контекстов позволяет учащемуся составить собственный список клишированных фраз, которые он сможет использовать для написания работ на английском языке.

Во-вторых, необходимо проанализировать функции этих местоимений в англоязычном тексте через обсуждение этих контекстов. Например:

Study the contexts and answer the questions below.

I compare ad valorem taxes and specific taxes that generate the same average price or tax revenue in the Nash equilibrium of the stage game. I find that collusion is less sustainable under ad valorem than specific taxation when marginal costs are asymmetric and constant [22, с. 1].

Questions:

1. Do you think the functions of first-person pronouns are similar in the two contexts? (Answer — no, they are different.)
2. In which context the author states an opinion? (Answer — in context 2.)
3. Why do you think the author uses “I” in context 1? (Answer — for speaking about the structure of their work.)
4. Is it possible to change “I compare” for a passive structure without impairing the meaning of the sentence? (Answer — probably, the meaning will be impaired/the subject of the sentence will be too long/the rheme, i.e. new and important information will be misplaced.)

Подобный анализ соответствует индуктивному подходу, позволяющему делать самостоятельные «открытия».

Этот подход обеспечивает «большую степень когнитивной глубины, активности в учебном процессе, внимательности и мотивации» [23, с. 419]. Индуктивный подход эффективен на продвинутых ступенях обучения, т. е. для аспирантов и магистрантов, где и вводится предмет «Основы академической речи».

Кроме того, исследование контекстов позволяет выявить грамматические особенности англоязычной речи и объяснить, почему, скажем, справочник по стилю АРА (Американской ассоциации психологов) советует использовать активный залог для обеспечения прямолинейности, сжатости и краткости мыслей [24].

В-третьих, необходим сопоставительный, переводческий анализ контекстов употребления личных местоимений первого лица. Русскоязычный научный дискурс менее прямолинеен, чем англоязычный. Потому, скорее всего, мы будем:

- «расширять» количество лексических единиц в переводе через номинативные средства языка (существительные) для сохранения официальности научного стиля (*I aim to understand... = Моим намерением было понять...;*
- употреблять пассивный залог, так как использование пассива в русском языке не приводит к увеличению количества лексических единиц и «утяжелению» высказывания в отличие от английской речи (*In the next two sections, I consider a stage game based on homogenous product competition [22, с. 3] = В следующих двух разделах рассматривается сценарий конкуренции однородных продуктов — пер. автора;*
- использовать безличные предложения (*In this study, I investigate how... = в статье изучается, как...).*

Перевод необходим для осознания «своей» и «чужой» социокультурной идентичности и устранения межязыковой интерференции на осознанном уровне, что обеспечивает дедуктивное осмысление материала и знание теоретических основ стилистики научных текстов.

Кроме того, переводческая практика необходима и в утилитарных целях. Например, одним из пунктов допуска аспирантов к экзамену по английскому языку является перевод статьи с английского на русский язык.

Выводы

Речевые характеристики употребления личных местоимений первого лица в англоязычном экономическом дискурсе позволяют сделать вывод о том, что существует тенденция к повышению «авторизации» научного дискурса с течением времени, т. е. авторы все больше употребляют «I»/«we» в текстах научных исследований. Однако местоимения первого лица редко сохраняют свою «личностную» семантику, и можно констатировать определенную степень десемантизации этих единиц речи. Как показал исследованный эмпирический материал, часто «I»/«we» используются лишь как служебные слова, обуславливающие грамматическую структуру высказывания, и являющиеся способом избежать употребления «тяжеловесных» пассивных конструкций. Личные местоимения первого лица могут употребляться авторами практически в любой части работы, и единственное и множественное число этих местоимений не влияет на степень авторского «присутствия», за исключением заключения, где используется только «we» в функции «автор — представитель сообщества» и не используется «I», и в благодарностях, где тенденция ожидается противоположная.

Большая частотность местоимений «I»/«we» в англоязычных текстах по сравнению с русскоязычным научным дискурсом объясняется не только стилистическими

традициями западной и восточной культуры письма, но и различиями в грамматических строях языков. Флективность русского языка предполагает более активное использование пассивных конструкций и безличных предложений, в то время как английский язык, в силу своей «синтетической» природы и «изоляции» морфем, предпочитает активный залог и личные предложения, позволяющие экономить языковые средства. Таким образом, тезис о том, что русскоязычный научный дискурс «формировался под влиянием идей коллективизма и, как следствие, характеризуется безличностью» [25, с. 181] может быть оспорен. Возможно, сама система языка обуславливает более «активную» природу англоязычного научного дискурса. В споре о выборе числа личного местоимения первого лица идеи о «грамматических тропах под названием „множественное скромности“» [26, с. 31], «границах „авторской ответственности“, „показателях коллективной мысли“ или „психологической защищенности“» [11, с. 68] не всегда релевантны, так как существуют не только нормы стиля, но и системность языка, диктующая выбор предложений в активном залоге и, соответственно, использование десемантизированных личных местоимений.

Анализ эмпирического материала позволил выделить некоторые практические рекомендации для курсов по обучению академическому письму. Доказана целесообразность таких учебных действий, как исследование корпуса текстов и индуктивный анализ контекстного употребления личных местоимений, составление собственного списка клишированных фраз учащимися, а также использование перевода в языковой паре «английский — русский языки». Данные учебные действия позволяют устранить межязыковую интерференцию при написании научных работ на английском языке и ведут к расширению социокультурной компетенции студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vassileva I. Who am I/who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian // *International Journal of Applied Linguistics*. 1998. Vol. 8. No. 2. Pp. 163—190.
2. Медведкина К. А., Михайловская Е. С. Сопоставительный анализ прагматических функций перволичных местоимений в англоязычных и русскоязычных академических текстах // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. № 3. С. 1—17.
3. Щемелева И. Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах // *Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2013. № 4. С. 143—153.
4. Крапивкина О. А. Вербализация субъекта в академическом дискурсе // *Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та*. 2015. № 4(34). С. 121—124.
5. Супоницкая Н. С. Категория авторизации в лингвистике научной речи // *Университ. науч. журн*. 2016. № 18. С. 209-218.
6. Комарова Ю. А. Объективность как важный стилеобразующий фактор научной речи на английском языке // *Вестн. Челябин. гос. ун-та*. 2008. № 16. С. 90—95.
7. Фомина М. А. Маркеры адресанта в научном диалоге // *Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста*. 2017. Т. 1. № 2(10). С. 96—103.
8. Tang R., John S. The “I” in identity: exploring writer identity in student academic writing through the first-person pronoun // *English for specific purposes*. 1999. No. 18. Pp. 23—39.
9. Емельянова О. П. Жанровые особенности статьи академического дискурса // *Казанская наука*. 2019. № 6. С. 57—63.
10. Hyland K. Bringing in the reader: addressee features in academic articles // *Written Communication*. 2001. Vol. 18. No. 4. Pp. 549—574.
11. Соловьева Н. В. Употребление личных местоимений в научных статьях: «яканье» или «мыканье» // *Филология в XXI веке*. 2021. № 1(7). С. 66—74.
12. Leroch M. Market power and journalistic quality // *European Journal of Law and Economics*. 2022. No. 53. Pp. 109—124.
13. Davis C. Regional integration and innovation offshoring with occupational choice and endogenous growth // *Journal of Economics*. 2013. No. 108. Pp. 59—79.

14. Jordan T. J. Monetary control uncertainty and inflation bias // *Journal of Economics*. 2001. Vol. 73. No. 2. Pp. 125—147.
15. Harms P. International investment in a model of stochastic growth and development traps // *Journal of Economics*. 2001. Vol. 74. No. 2. Pp. 131—155.
16. Greiner A. Fiscal policy in an endogenous-growth model with public investment: a note // *Journal of Economics*. 1998. Vol. 68. No. 2. Pp. 193—198.
17. Currier K. M. Price cap regulation of a dominant firm facing competition // *Journal of Economics*. 2009. No. 98. Pp. 221—233.
18. Рахманова Н. И. Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // *Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та*. 2009. № 560. С. 199—210.
19. Martin S. Spillovers, Appropriability, and R & D // *Journal of Economics*. 2002. Vol. 75. No. 1. Pp. 1—32.
20. Dolp F. Toward a behavioral theory of change in economic systems // *Journal of Economics*. 1970. Vol. 30. Pp. 455—464.
21. Harrod R. Pure Theory of Growth Economics // *Journal of Economics*. 1974. Vol. 34. Pp. 241—247.
22. Turner D. C. Taxation and the sustainability of collusion with asymmetric costs // *Journal of Economics*. 2022. No. 135. Pp. 1—48.
23. Широких А. Ю. Сочетание индуктивных и дедуктивных методов в профессионально ориентированном обучении английскому языку // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 3(39). С. 410—422.
24. American Psychological Association Guide. Active and passive voice. URL: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/grammar/active-passive-voice>.
25. Хутыз И. П. Типологические характеристики конструирования институционального дискурса в кросс-культурном пространстве // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10(76) : в 3 ч. Ч. 1. С. 180—183.
26. Синченко Г. Ч. Безличные, неопределенно-личные и личные синтаксические конструкции в речевом поведении диссертанта // *Науч. вестн. Омской акад. МВД России*. 2008. № 4(31). С. 30—34.

REFERENCES

1. Vassileva I. Who am I/who are we in academic writing? A contrastive analysis of authorial presence in English, German, French, Russian and Bulgarian. *International Journal of Applied Linguistics*, 1998, vol. 8, no. 2, pp. 163—190.
2. Medvedkina K. A., Mihailovskaya E. S. A comparative analysis of the pragmatic functions of the first-person pronouns in English- and Russian-language academic texts. *The World of Science. Sociology, Philology, Culturology*, 2020, no. 3, pp. 1—17. (In Russ.)
3. Shchemeleva I. Yu. The pronouns as a means of conveying the author's position in English and Russian scientific texts. *Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2013, no. 4, pp. 143—153. (In Russ.)
4. Krapivkina O. A. Verbalization of the subject in academic discourse. *Science Vector of Togliatti State University*, 2015, no. 4, pp. 121—124. (In Russ.)
5. Suponitskaya N. S. The category of authorization in the linguistics of scientific speech. *Humanities and Science University Journal*, 2016, no. 18, pp. 209—218. (In Russ.)
6. Komarova Yu. A. Objectivity as an important stylistic factor of scientific speech in English. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 16, pp. 90—95. (In Russ.)
7. Fomina M. A. Markers of the addressee in scientific dialogue. *Lingua-cultural education in the system of specialist's higher institution training*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 96—103. (In Russ.)
8. Tang R., John S. The “I” in identity: exploring writer identity in student academic writing through the first-person pronoun. *English for specific purposes*, 1999, no. 18, pp. 23—39.
9. Emelyanova O. P. Genre features of the article of academic discourse. *Kazan Science*, 2019, no. 6, pp. 57—63. (In Russ.)
10. Hyland K. Bringing in the reader: addressee features in academic articles. *Written Communication*, 2001, vol. 18, no. 4, pp. 549—574.
11. Soloveva N. V. The use of personal pronouns in scientific articles: “I” or “we”. *Philology in the XXI century*, 2021, no. 1, pp. 66—74. (In Russ.)
12. Leroch M. Market power and journalistic quality. *European Journal of Law and Economics*, 2022, no. 53, pp. 109—124.
13. Davis C. Regional integration and innovation offshoring with occupational choice and endogenous growth. *Journal of Economics*, 2013, no. 108, pp. 59—79.
14. Jordan T. J. Monetary control uncertainty and inflation bias. *Journal of Economics*, 2001, vol. 73, no. 2, pp. 125—147.
15. Harms P. International investment in a model of stochastic growth and development traps. *Journal of Economics*, 2001, vol. 74, no. 2, pp. 131—155.
16. Greiner A. Fiscal policy in an endogenous-growth model with public investment: a note. *Journal of Economics*, 1998, vol. 68, no. 2, pp. 193—198.
17. Currier K. M. Price cap regulation of a dominant firm facing competition. *Journal of Economics*, 2009, no. 98, pp. 221—233.
18. Rakhmanova N. I. The phenomenon of desemantization and its reflection in the lexicon and grammatical structure of the German language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2009, no. 560, pp. 199—210. (In Russ.)
19. Martin S. Spillovers, Appropriability, and R & D. *Journal of Economics*, 2002, vol. 75, no. 1, pp. 1—32.
20. Dolp F. Toward a Behavioral Theory of Change in Economic Systems. *Journal of Economics*, 1970, vol. 30, pp. 455—464.
21. Harrod R. Pure Theory of Growth Economics. *Journal of Economics*, 1974, vol. 34, pp. 241—247.
22. Turner D. C. Taxation and the sustainability of collusion with asymmetric costs. *Journal of Economics*, 2022, no. 135, pp. 1—48.
23. Shirokikh A. Y. Combination of inductive and deductive methods in professionally oriented teaching of English. *Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 3, pp. 410—422. (In Russ.)

24. *American Psychological Association Guide. Active and passive voice*. URL: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/grammar/active-passive-voice>.

25. Khuty I. P. Typological characteristics of the construction of institutional discourse in the cross-cultural space. *Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 10, in 3 parts, part 1, pp. 180—183. (In Russ.)

26. Sinchenko G. Ch. Impersonal, indefinite-personal and personal syntactic constructions in the speech behavior of the dissenter. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, 2008, no. 4, pp. 30—34. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.
The article was submitted 20.02.2022; approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 37.032.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.206

Rustam Olegovich Beshtoev

Lecturer of the Department of Physical Training,
North Caucasian Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch)
of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic,
Russian Federation
kafedra_terek@mail.ru

Рустам Олегович Бештоев

преподаватель кафедры физической подготовки,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (филиал)
Краснодарского университета МВД России
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика,
Российская Федерация
kafedra_terek@mail.ru

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ОВД К РИСКУ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ УВЕРЕННОСТИ В СОБСТВЕННЫХ ЗНАНИЯХ, УМЕНИЯХ И НАВЫКАХ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Предмет исследования затрагивает достаточно редкий раздел системы образования, который позитивно относится к формированию готовности личности к риску. Применительно к социальной группе, качества которой анализируются в работе, данная способность к инициативной и бесстрашной деятельности предельно важна. В данном случае подразумевается деятельность сотрудников полиции. По мнению автора, готовность к риску позволит развить у сотрудников общую уверенность в себе, в собственных знаниях, умениях и навыках реализации правоприменительной деятельности. Целью работы является выявление наиболее эффективных методов формирования готовности молодых сотрудников органов внутренних дел (далее — сотрудников ОВД) к риску как условия развития уверенности в собственных знаниях, умениях и навыках. Гипотеза исследования: развитие уверенности в собственных знаниях, умениях и навыках у сотрудников ОВД будет эффективным, если будут применены методы формирования их готовности к рискованным видам профессиональной деятельности. Методы исследования: при проведении научной работы был использован метод анализа научно-теоретической литературы, наблюдения и эксперимента. Также был применен тест В. Г. Ромека.

Результаты работы и научный вклад. По итогам научной работы были выявлены методы формирования готовности молодых сотрудников ОВД к риску: самокоррекции, который заключается в концентрации на текущих тактических задачах сотрудника полиции, с абстрагированием от негативных сценариев последствий своего поведения; трудотерапии, поддерживающей метод самокоррекции.

Выводы: применение методов формирования готовности молодых сотрудников ОВД к риску позволило значительно повысить у них уверенность в собственных знаниях, умениях и навыках.

Ограничения/направления будущих исследований. При реализации представляемых методов формирования готовности к риску крайне важно учитывать личностные особенности молодых сотрудников ОВД. Перед применением методов необходимо тщательно проанализировать личные дела сотрудников с целью выявления их склонности к нервным срывам.

Ключевые слова: молодые сотрудники, силовые структуры, органы внутренних дел, педагогическая технология, формирование готовности к риску, развитие уверенности в собственных силах, метод самокоррекции, метод трудотерапии, когнитивные тренировки, контроль рефлексивных установок

Для цитирования: Бештоев Р. О. Методы формирования готовности молодых сотрудников ОВД к риску как условие развития уверенности в собственных знаниях, умениях и навыках // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2 (59). С. 191—195. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.206.